

АКТАНТЫ И СИРКОНСТАНТЫ В КОМИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Волгоградский государственный педагогический университет

В теории семантического синтаксиса существует несколько подходов к разграничению актантов и сирконстантов. Е.В. Падучева отмечает, что структурный принцип базируется на информации об участниках ситуации, поданных в словаре при описании значения глагольных лексем: актантами являются те участники, которым соответствуют переменные в толковании. Принцип семантической обязательности предполагает, что актанты – это обязательные участники обозначаемой глаголом ситуации, а сирконстанты – факультативные (Этот принцип не является общепризнанным. Согласно Ю.Д. Апресяну, актанты могут быть семантически факультативными.) Синтагматически актанты избирательны и потому индивидуальны для каждого глагола, а сирконстанты зачастую имеют свободную сочетаемость [2: 72-75]. Опираясь на вышеназванные признаки разграничения актантов, определим их проявление при создании комического эффекта.

Как показывают наши наблюдения над текстами произведений С. Довлатова, актанты и сирконстанты в комическом контексте подвергаются различным изменениям в соответствии с художественным замыслом автора. Разнообразные переосмысления лексем ведут перекодирование актантов и сирконстантов. Градационно это можно представить следующим образом.

1. Межвидовые перекодировки. Суть их в том, что роль участника ситуации качественно меняется, причем переименование роли может происходить как в области комментентов (актант субъектного типа меняется на аргумент объектного типа), так и обязательный участник ситуации может меняться на сирконстант.

Эмотив (субъектный тип, источник эмоционального состояния) может менять актантную характеристику, становясь пациентивом (объектный тип, лицо, на которое распространяется какое-либо действие, отношение, состояние субъекта) (1), или в одной лексеме заключаются две роли участников ситуации (эмотив и пациентив) (2):

(1) – *Отчего ты грустный?* – *Секин коснулся моего рукава.*

– *У меня*, – *говорю*, – *комплекс неполноценности.*

– *Комплекс неполноценности у всех*, – *заверил Секин.*

– *И у тебя?*

– *И у меня в том числе. У меня комплекс твоей неполноценности.*

– *Браво!* – *сказал я (Хочу быть сильным).*

... *И как выяснилось, мне хватило одного-единственного чемодана.*

(2) *Я чуть не разрыдался от жалости к себе* [1: 3, 348].

Имплицитный пациентив (*розовый пакет* – грудной ребенок, девочка, в пеленках) под воздействием лексической многозначности (*пакет* – переносное значение ‘конверт с письмом официально-делового содержания’ [3: 3, 11] согласуется со значением слова *документ* – ‘деловая бумага, служащая доказательством чего-либо, подтверждающая право на что-либо’ [3: 1, 421] и заменяется на прямое значение ‘упакованный в бумажную или иную обертку какой-либо предмет или ряд предметов; сверток’ [3: 3, 11]) и в соотвествии с авторским замыслом получает контекстуальную характеристику другого актанта инструментального типа, предмет, при помощи которого разрешается ситуация – медиатив:

Помню, зашел я с коляской в редакцию журнала “Аврора”. Мне при читался там небольшой гонорар. Чиновница раскрыла ведомость:

– *Растишитель.*

И добавила:

– *Шестнадцать рублей мы вычли за бездетность.*

– *Но у меня, – говорю, – есть дочка.*

– *Надо представить соответствующий документ.*

– *Пожалуйста.*

Я вынул из коляски розовый пакет. Осторожно положил его на стол главного бухгалтера. Сохранил таким образом шестнадцать рублей [1: 3, 443].

2. Внутривидовая перекодировка. Она заключается в том, что меняется ролевая характеристика актанта в пределах одной видовой группы (например, актантов субъектного или объектного типа).

Наблюдаются случаи, когда на качественное изменение актантов влияет межуровневая аттракция языковых единиц:

– *О чем мы будем говорить? ...О Джойсе? О Гитлере? ... А может быть, о Ясперсе или о Кафке? (1)*

– *О Кафке (1), сказал я...*

Останавливает меня коллега Барабанов.

– *Вчера, – говорит, – перечитывал Кафку (2). А вы читали Кафку? (2)*

– *К сожалению, нет, – говорю. (2)*

– *Вы не читали Кафку? (3)*

– *Признаться, не читал...*

Возвращаясь с работы, я повстречал геолога Тищенко. Тищенко был, по обыкновению, с некрасивой девушкой.

– *В Ханты-Мансийске свободно продается Кафка (3)! – издали закричал он...*

Через минуту я был дома. В коридор на меня обрушился сосед-дошкольник Рома.

– *А мы с бабулей Кафку (3, 4) читали!*

Я закричал и бросился прочь. Однако Рома крепко держал меня за ногу.

- Тебе понравилось? – спросил я.
- Более или менее, – ответил Рома.

Тогда дошкольник вынес большую рваную книгу и прочел:

- РУФКИЕ НАРОДНЫЕ КАФКИ (5)! [1: 1, 43-44]

Трансформация лексического значения ((1) предмет разговора (творчество автора) – (2) культовый писатель – (3) образец показной эрудиции – (4) “ирреальный преследователь” – (5) сказки) сопровождается синтаксической. В процессе замещения одной семантической роли на другую принимают участие и единицы фонетического уровня. В результате чего информатив, объектный тип актанта, управляемый глаголом речи, (1, 2) преобразуется вначале в эмотив, субъектный тип актанта, источник эмоционального состояния, (4), а затем в интеллектив, объектный тип актанта, управляемый глаголом умственной деятельности (5).

3. Внутриволевая (внутриактантная) перекодировка. Суть данного вида изменений состоит в том, что базовая актантная характеристика участника ситуации остается той же, меняются лишь некоторые частные характеристики. Например:

Шел экзамен по русской литературе. Хачатурян всех спрашивал:

- Прости, что за вопрос достался?

– Пушкин, – говорил один.

– Мне повезло, – восклицал *Хачатурян*, – именно этого я не учил!

– Лермонтов, – говорил второй.

– Повезло, – восклицал *Хачатурян*, – именно этого я не учил!

Наконец подошла его собственная очередь. Судья вытащил билет. Там было написано: “Гоголь”.

– Вай! – закричал *Хачатурян* – Какая неудача! Ведь именно этого я как раз не учил!.. [1: 1, 57].

От прямого или косвенного воздействия источника состояния (эмотива – билет) на объект будет зависеть эмоциональная характеристика пациента (*Хачатурян*): направленность на других пациентов вызывает положительный эмоциональный настрой у ведущего участника ситуации *Хачатуряна*, прямой – наоборот.

Сирконстанты также могут в условиях контекста менять свою характеристику:

– Я знаю, – сказала *Фрида*, – что вы пишете новеллы. Могу я их прочесть? Они у вас *при себе*?

– *При себе*, – говорю, – у меня лишь те, которых еще нет.

– Браво! – сказала *Фрида* [1: 1, 44].

Значение локализатора словоформы *при себе* преобразуется с реального на ирреальное.

Как показывают наши наблюдения, актанты и сирконстанты в комическом контексте при формировании языковой игры под влиянием перемены лексической семантики подвергаются различным перекодировкам.

Нами выявлены три вида таких изменений, причем во всех случаях названные лингвистами критерии разграничения актантов и сирконстантов (обязательность/необязательность в структурном и семантическом плане) подвергаются нами сомнению: невозможно смысловое исключение или замена обозначенных лексем из контекста, иначе языковая игра нейтрализуется.

Библиографический список

1. Довлатов, С. Собрание сочинений: в 4 т. / С. Довлатов. – СПб., 2005.
2. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М., 2004. – 608 с.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981-1984.

М.В. Бондаренко

НЕМЕЦКИЕ И НИДЕРЛАНДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Самарский государственный университет

Взаимодействие английского языка с другими германскими языками имеет длительную историю. Однако германисты в большей степени занимались проблемами влияния английского языка на другие германские языки, чем наоборот [1]. Что же касается лексических заимствований из других германских языков в английский, то предпочтение отдается, в основном, заимствованиям современного периода [3]. В условиях смены лингвистической парадигмы проблема заимствований становится периферийной в системе лингвистических исследований, однако она по-прежнему важна для изучения этимологических характеристик лексического состава, которые весьма неодинаковы в разных германских языках.

Касаясь проблемы заимствований в английском языке, следует отметить, что исследования в этой сфере по традиции обращались к тем пластам заимствованной лексики, которые ранее уже рассматривались в лингвистической и учебной литературе – латинским, кельтским, франко-нормандским и поздним французским заимствованиям [4; 5] либо экзотизмам [2]. Относительно заимствований из других германских языков в английский можно сказать, что данная проблема до сих пор остается весьма слабо изученной, вследствие чего целый ряд слов с достаточно прозрачной этимологией маркируется лексикографическими источниками как этимологически неопределенные единицы: boy ‘мальчик’ (ср. швед. pojke <